

В ДОСПЕХАХ ПРОСТОГО ВОИНА

ШЕСТОГО сентября 1380 года сто пятьдесят тысяч человек русско-го войска, как свидетельствует летописец, подошли к Дону. И сомнение овладело князьями. Переправляться через Дон или нет? Вот-вот на степном горизонте покажутся полчища Мамай. Сколько их? Может, остаться на этом берегу и вступить в бой, когда враги начнут переправу? Именно так советовали великому князю Дмитрию опытные воеводы. Но юный князь, поверивший в свою звезду, приказал перейти Дон.

Восьмого сентября был пасмурный осенний день. Свежестью тянуло с реки, и утренний ветер постепенно рассеивал густой ночной туман. На травах блестела холодная роса да слышался крик вороньих стай над бескрайним полем...

«О русская земля! Уже за шеломянем осил!»

Дым от костров, разоженных в становище войска, тянется над землей. Ратники остряют мечи, ощупывают нателные кресты и заветные ладанки на груди, поят лошадей, подтягивают подруги, достают из походных сум чистые полотняные рубахи (к смерти надо готовиться тщательно!), черныцы-схимники Пересвет и Ослябя богатырскими голосами читают молитвы, благословляя дружины на страшную битву. Побойще — так назовет ее в позднейшие времена народная молва.

В полдень на горизонте показались чужеземные полки. Войска медленно сблизились и остановились друг против друга. Тогда, как говорит «Сказание о Мамаевом побоище», противник-удалец Челубей подал вперед коня, выехал на «ничейную» землю и бросил вызов к единоборству. Навстречу ему из наших рядов вырвался Пересвет. Смертники сшиблись в поединке, и оба мертвые повалились на землю со своих коней...

Началась Куликовская битва — может быть, самая легендарная в тысячелетней судьбе России...

***

Русская литература всегда была пристрастна к героическим страницам истории. Оборона Севастополя и Отечественная война 1812 года, походы Суворова и Полтавская битва, Пугачевский бунт и Смутное время — обо всех этих событиях думали и писали Державин, Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Лев Толстой. Но любопытно, что интерес их не простирался до поля Куликова, словно бы, став легендой и мифом, оно уже не воспринималось нашей классикой как явление, связанное с новейшими временами.

И вдруг эта легенда, судьба которой, казалось бы, уже существовать только в своем историческом, застывшем значении, нашла себе в начале двадцатого века новую жизнь в лирике Александра Блока. Это было его единственным прикосновением к русской истории, к ее глыбам, глубоко ушедшим под землю. Единственным и замечательным по своим результатам.

Пять стихотворений под общим названием «На поле Куликовом» Блок написал более семидесяти лет назад. Четыре из них — летом 1908 года (7, 8, 14 июня и 31 июля) и последняя — несколько месяцев спустя (23 декабря). Цикл этот богат оттенками мыслей, чувства и настроений поэта; в одних стихах преобладает его «личное» начало, в других — общественное, а в итоге все они сливаются в единое лирическое прозрение.

Приблизительно в это же время Блок работал над статьей «Народ и интеллигенция» и над драматической поэмой «Песня Судьбы». Общая лирическая основа всех этих произведений просматривается легко. Два лика, между которыми пробегают искры его прозрений, — лик родины и лик воина. Но оба очерчены не резцом по камню — они многозначны, их очертания все время меняются, двоятся, как бы в тумане, и в них все время надо всматриваться, чтобы уследить за их превращениями.

Действие в цикле «На поле Куликовом» происходит в трех временах — в часы позднего заката, глубокой ночи и хмурого утра.

Пусть ночь. Домчимся,
Озарим кострами
Степную даль.

А перед ночью, в этом же первом стихотворении, кромешной полуночной мгле предвещает зловещий закат:

Закат в крови!
Из сердца кровь струится!

Но и глубокой ночью душа готовится к бою — так же, как воины, не спавшие в свою последнюю ночь:

Мы, сам-друг, над степью
в полночь стали!

Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

Исторические реалии время от времени прикрепляют стихи к легендарному событию, но, может быть, лишь для того, чтобы какой-нибудь прославленный Рубикон вдруг показался рядом с нашей Непрядвой ничего не значащим историческим курьезом, вошедшим в пословицу лишь благодаря дотошности романских историографов.

А тьма все сгущается. Третье стихотворение перенасыщено ее приметам: «в ночь, когда Мамай залег с ордой», «перед Доном, темным и зловещим», «и, чертя круги, ночные птицы», «и когда, наутро, тучей черной двинулась орда». Но двинулась она, эта черная сила, когда начало светать, и новая сила света вышла навстречу тьме. Впрочем, приметы светлой стихии уже проскальзывали и в первых стихотворениях: «нам ясен долгий путь», «на пути — горячий белый камень», «светлая жена», «был в щите Твой лик нерукотворный светел навсегда», «светлый стяг над нашими полками» (подчеркнуто мною. — С. К.)... Резкое разделение «света и тьмы» привело Блока к небольшой исторической неточности: великокняжеский стяг был черного цвета с золотым образом спасителя.

Итак, по первому впечатлению, главная драма лирического цикла Блока в борьбе темной и светлой сил. Но все гораздо сложнее.

Женский облик родины у Блока живет в трех ипостасях, в своеобразной троице. Своевольная и свободная возлюбленная, Верная и кроткая жена, Любящая мать, всегда переживающая за сына-воина; ее черты иногда совпадают с иконописным ликом богородицы.

В цикле «На поле Куликовом» Блок своим точным инстинктом художника почувствовал, что романтический образ родины — Фаины из «Песни Судьбы» с ее «разбойной красотой» — на этой исторической ткани будет лишним, и оставил только два лика:

И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать

(первый).
Помни ж за раннюю обедней
Мила друга, светлая жена!

(второй).

Русскую литературу идея героического привлекала лишь в связи с общими судьбами родины.

Болконский при Аустерлице — не подлинный герой, потому что его героизм эгоистичен. А Пьер Безухов на Бородине — герой, и капитан Тушин — герой, а вместе с ним еще два капитана — Максим Максимович и Миронов. Средние чины, средние люди — но герои. Они не выделяются, как гордые готические статуи, они скорее чуть выпуклые очертания многофигурного барельефа, и в этом — особое понимание героизма, идущего от нашего национального характера, и Блок, конечно же, ощущал дух этой соборности и благоговел перед ним:

Я — не первый воин, не последний...

Но все-таки он был романтиком. И, конечно, желая даже раствориться в общем музыкальном шуме истории, не мог этого сделать до конца. На его героическом лежит печать личностного воплощения.

Искать какие-то прямые отражения событий из жизни любого поэта в его ли-

рике и соблазнительно, и опасно. Но я все же приведу несколько свидетельств того, чем жил Александр Блок, когда родился цикл «На поле Куликовом».

Дух его в июле 1908 года то возносился к небу, то падал в бездны отчаяния. Вот слова из его письма жене: «Мне надо, чтобы около меня был живой и молодой человек, женщина с деятельной любовью; если этого никогда не будет, то мне ничего не останется, кроме пустой и зияющей темноты...» (23.07, 1908). Может быть, поэтому стихотворение «Опять с вековой тоскою» несколько и выделяется из цикла своим особенным «личным звуком»:

Вздвываются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...

«Явись, мое дивное диво!
Быть светлым меня научи!»

Стихи написаны через неделю после письма. Блок, правда, делает некоторые усилия включить стихотворение в общую атмосферу жертвенности и подвига за сверхличное дело:

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широк и тихий полк

Но все-таки в нем, по-своему прекрасном, два настроения окончательно не сплавляются в одно. Тревога за исход предстоящего испытания и смертельная душевная тоска, вызванная мыслями о личной судьбе, не до конца совпадают, живут друг от друга несколько самостоятельной жизнью.

В другом письме к жене, написанном в это же лето, ощущение одиночества и жизненного тупика доходит до предела: «Никто, кроме тебя, не поможет мне ни в жизни, ни в творчестве». Интересно, что в том же письме он спрашивает: «А тебе не нравятся те стихи, которые я посылал тебе?» (Речь идет о цикле «На поле Куликовом».)

Блок, как ни один наш другой поэт, умел «одушевлять» события внешней жизни, делать их частью своего личного, даже интимного мира. Поэтому борьба тьмы и света развертывается не только как битва двух миров, но и как собственная трагедия:

И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

То ему кажется, что свет в его душе уже победил в «растерзанном сердце» «дикие страсти», и тогда в стихах появляются высокие ноты цельности и верности любви и долгу:

И с туманом над Непрядвой спящей
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не слугув коня.
Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.
И тогда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

Но тьма (не забудем, что это слово обозначало отряд в «десять тысяч воинов» и что временщик Мамай, до того как ринуться на Русь, был начальником «тьмы», то есть «темником») живет не только в раздвоенной душе воина — она живет в порядке вещей, в песне, в тоске. В душе народной она оставила свой страшный

след. Может быть, именно этот смысл надо искать в блоковских строчках:

Наш путь — стрелой татарской
древней воли
Пронзил нам грудь.

Вспомним, что Герман из «Песни Судьбы», рисуя Фаине картину Куликовской битвы, жаждет такого же по характеру события, чтобы оно освободило его душу и дало его жизни новый смысл: «...а я — здесь, как воин в засаде, не смею биться, не знаю, что делать, не должен, не настал мой час! — Вот зачем я не сплю ночей: я жду всем сердцем того, кто придет и скажет: «Пробил твой час! Пора!».

К этому времени Блок, почувствовавший в себе силы для восстания против страшного мира, против своего образа жизни, сделал почти сверхчеловеческую попытку воплотиться в облик Дмитрия Донского, ощутить в себе душу мятежного князя, идущего на смерть во имя победы.

Недаром два слова «князь» и «мятеж» часто встречаются не только в цикле «На поле Куликовом», но и в других стихах Блока тех лет, словно бы он всячески «обживает» их и «примеряет» к себе, приывает к ним.

Правда, как Дмитрий Донской переоделся перед битвой в доспехи простого воина, отдав алый, золотого шитья великокняжеский плащ Бренку, так и лирический герой цикла «На поле Куликовом» — «князь русской поэзии» — воспринимает себя как часть народной силы, как рядовой воин, равный со всеми перед неизбежной судьбой:

Мы, сам-друг, над степью
в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.

И дальше в этом же стихотворении:

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.

Но как понимать последнюю строчку? В своем примечании к циклу «На поле Куликовом» Блок писал: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди».

Велик соблазн разгадать смысл этих слов. Невогда мне казалось, что в них заключена мысль о периодически возникающей роли России в спасении Европы и человечества. Так оценивал эту роль Пушкин. С той же меркой можно подойти и к разгрому всемирной армии Наполеона — уже не борьба России и Востока, а России и Запада. Да и Великая Отечественная война уже стала в ряд подобных событий. Но, как мне кажется, Блок имел в виду удивительную волю народа к самообновлению, к способности накапливать энергию и преображать свою жизнь в соответствии с новыми зарождающимися идеалами.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!

Это было предчувствием революции. Это давало ему надежду, что родина «не пропадет, не стигнет», несмотря на все испытания, которые он прозревал.

Наш путь — степной, наш путь —
в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Проще развеять зарубежную мглу, потому что, когда наваливается она, весь народ встает ей навстречу.

А мгла «ночная», которая союзом «и» противопоставлена зарубежной, — это мгла своя, родная, почти кровная. Справиться с ней — подвиг куда больший. Борьба со своей «ночной мглой» — подвиг не столь физический, сколь духовный. Это — почти чудо, чуть ли не религиозный акт отречения от разлагающихся форм жизни во имя будущего. «Чудная битва» — так поэт назвал Куликовское сражение, да и сам совершил чудо, убедив нас, что проходящая через всю нашу историю жажда обновления не обветшалый миф, а постоянная духовная потребность народа.

Блок словно бы желает подчеркнуть, что мятежный ветер его эпохи раздувает из пепелища куликовских костров новое пламя. История повторяется: «опять с вековой тоскою», «опять над полем Куликовом», «и вечный бой», «опять, как в годы золотые...». А в стихотворении «Коршун» (1916 г.), близком по духу циклу 1908 года, он пишет:

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та же, моя страна,
В красе запланированной и древней.

«Все та же» означало, что воля к мятежу не исчерпана. Стихия народного мятежа (скажем, в поэме «Двенадцать») была любимой стихией поэта. Он, на мой взгляд, не хотел думать, что рано или поздно эти силы отли-